

Его произведения переведены на многие языки мира. Написанные на глубоко киргизском национальном материале, они оказались близки и понятны людям разных народов, разных стран. Известный советский писатель, лауреат Ленинской премии, депутат Верховного Совета СССР Чингиз Торекулович Айтматов сегодня гость нашей 13-й страницы.

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ

— Как вы считаете, Чингиз Торекулович, насколько литература влияет на мир, пересоздает его?

— Литература — не наглядная схема действий. Она — пример для подражания, но не буквального, а косвенного, усложненного. Иногда говорят: эта книга учит, а та не учит... Так вот, и та учит! Но учит по-своему, и не сразу видны результаты. А нужна ли читателю условная схема добра и зла, где эти крайности резко разделены?

— В своих произведениях вы почти одушевляете природу. Судя по ним, отношение человека к природе для вас один из критериев нравственности?

— Убежден: человек должен уметь ценить природу, любоваться и наслаждаться природой! Должен осознать, что он часть природы, что земля — это лоно, на котором ему суждено жить, а живет он один раз; относиться к природе, как к равному, — разумно и вдохновенно.

— Многие ваши произведения написаны от лица подростка, юноши. В вашем творчестве особую роль играют детские впечатления?

— Нет, для меня это скорее удобный прием. Подросток познает мир, людей, он действует... В моей новой повести два персонажа — старик и мальчик, и каждый по-своему помогает мне сказать то, что я хочу сказать. Старик — через свой опыт, а мальчик оттеняет, дополняет, оттачивает, а иногда раскрывает то, что уже недоступно старику. Но оба они — часть меня. Конечно, художник возникает в детстве, а уж после знания, опыта, эрудиции дополняют и обрамляют личность. Но это может и не произойти, и человек остается при своей детской впечатлительности. Я рос в аиле. Это великолепно, если человек вырастает на лоне природы, среди людей и животных, принадлежащих этой природе, рядом с травами, реками, лесами... Но в городской жизни сосредоточено многое из того, что создал человеческий интеллект. Город добавляет современности мышлению. Убежден: детство должно перемежаться глубокими прослойками то сельской, то городской жизни.

Феномен детства... Не знаю ни одного человека, тем более художника, который не нес бы в себе по жизни детские впечатления. Не случайно герой «Белого парохода» — мальчик. Этим я хотел утвердить мысль, что детство — зародыш совести и зародыш личности. Об этом надо очень серьезно думать в эпоху НТР, универсализации всех средств информации. Когда-то на психику и интеллект ребенка оказывали влияние только родители, бабушка, дед, кто-то еще из близких. Сейчас львиная доля их функций перешла к детскому саду, к школе. В этом много доброго и полезного, но есть и нечто выравнивающее всех, определенная усредненность, одинаковость. Все дети в один и тот же час смотрят одну и ту же телепередачу, одни и те же фильмы. Это создает небывалую доселе всеобщность эстетических, моральных установок. Не

кое в чем утрачивается индивидуальность развития.

Безусловно, детство и на меня наложило отпечаток, и я благодарен судьбе за то, что рос в интересное время — в аиле Шекер, казалось, в еще патриархальной среде, но уже появились колхозы, внедрялся советский образ жизни. Моя бабушка — умная, много знающая, чуткая, мастерица и сказительница — помогала мне поэтически видеть мир. Сказки, песни, предания, которые она рассказывала, люди, с которыми она общалась, — все это, безусловно, на меня повлияло. Если однажды утром она с улыбкой сообщала, что у такой-то соседки родился ребенок, я уже знал, что надо быстро встать, умыться и пойти туда с бабушкой — поздравить. И не просто прийти и поздравить — то был скорее повод для встречи, для того, чтобы устроить народные церемонии с поэтическими присказками. Все дети присутствовали на таком празднике, и никто им не говорил, что малышка нашли в калусте. Сейчас дети меньше участвуют во взрослой жизни, они в это время веселятся в детском саду, поют свои детсадовские песни. На мой взгляд, ни одно важное событие не должно обходиться без детей. Тогда они вырастают в личности.

— Изменился ваш аил Шекер за эти годы?

— Естественно, изменился. Нет конных упряжек с плугами, много машин, и масштабы иные. Засевают сразу сотни гектаров, работает техника, скорость и темпы! Но по-прежнему человеку остается дорог и близок конь. По-киргизски «джаныбар» — значит конь и (одновременно) «имеющий душу».

— Кстати, Ильяс, герой вашей повести «Тополек мой в красной косынке», относится к своей машине, как к живому существу...

— Да. Он, наверное, хорошо относится и к коню, и к быку. У такого человека душа будет болеть и при виде бесхозяйственного отношения к машине.

— Наряду с вечными темами, такими, как борьба добра со злом, любовь, совесть, долг, время, существуют актуальные темы сегодняшнего дня. Какую из них вы могли бы выделить, назвать актуальной для 70-х годов?

— Мне думается, это тема войны, испытания человека войной. Я не был на войне, но с ней совпали мое детство и юность. Война войне рознь. Война за свободу, независимость, справедливость, например, Великая Отечественная, — время героики, самоотверженности, подвигов, грандиозных воинских и трудовых свершений. Но война агрессивная, корыстная, несправедливая — это время дефицита человечности. Планета, мир в сегодняшнем его состоянии то и дело

сталкивается с проблемой жестокости, вызванной многими социальными факторами. Тем более неизбежна тема высоких человеческих начал. Человечность — антитеза жестокости.

— Выступая против жестокости, следует ли показывать ее в произведениях?

— Только не ради смакования. И исключая конкретные изображения физического насилия.

— На Западе созданы теории, которые оправдывают, например, существование театра ужасов необходимостью «выхлопного клапана»; дескать, такие зрелища служат для выпуска агрессивности, якобы присущей человеку изначально. Ваше мнение?

— «Выхлопной клапан»... Когда человека в том мире злонравно побуждают к жестокости, а он не готов противостоять, то это, скорее, стимулирует, даже изощряет жестокость. Известны примеры, когда зритель на Западе, насмотревшись фильмов ужасов, повторял действия «героев» этих кинокартин.

— Ваше мнение об изречении: «То, что человек получает, — это средства к существованию, а то, что отдает, — это сама жизнь»?

— Мнение у меня категоричное: когда материальные блага становятся целью жизни — личность деградирует.

— Как Абакир из вашей повести «Верблюжий глаз»?

— Как Абакир. Иногда люди сами не замечают, как вещи начинают давить на них. Испытание вещами, их избыток — очень большой соблазн. Что мне особенно не нравится, так это отношение некоторых к моде на вещи. Скажем, сейчас у нас, в республиканской глубинке, бьет мода на определенного типа пальто, и если у иной женщины его нет, то она чувствует себя в чем-то обделенной. Потребительское отношение к вещам рождает и зависть, и лихорадочное стремление отличиться. Вещи не могут и не должны быть целью, смыслом жизни, одной из категорий в шкале престижных ценностей.

— Кстати, главные персонажи многих ваших повестей — женщины. Кто из них ближе к вашему идеалу женщины? Быть может, Джамия?

— Трудно сказать насчет идеала, но существует, по моему, общепринятое понятие достойной женщины. Оно включает в себя ее нравственные качества, ее культуру, обаяние, ее внешность. Джамия — мое раннее, несколько романтическое восприятие женщины; сейчас Джамия была бы уже иной.

— Что вам больше всего не нравится в человеке?

— Карьеризм. Когда ради преуспевания он поступает правдой в оценках и суждениях.

— Чингиз Торекулович, как вы относитесь к юмору?

— Увы, юмора мне всегда не хватало (и это я остро ощущаю). Очень завидую людям, умеющим писать с юмором. Это не значит, что я совсем не понимаю юмор. Люблю посмеяться. Но сказать, что с юмором у меня лады, не могу. Это особый дар. А я мрачноват.

— Писатели, как правило, придерживаются одного из двух противоположных принципов: или «Пиши, когда не можешь не писать», или «Ни дня без строчки». Каков из них — ваш?

— Придерживаюсь первого принципа. Мне просто не удается писать каждый день. А второй принцип становится верным, когда ты уже начал новую работу. По опыту знаю, что, если откладываешь начатую работу, она много теряет. Вот и сейчас: заканчиваю новую повесть, и мне необходимо трудиться каждый день.

— К какому времени относятся события в повести?

— Это странная вещь. Единственный у меня случай, когда действие не имеет определенного времени. Называться будет «Пегий пес, бегущий краем моря». А к какому времени относится и о чем — каждому читателю придется решать самому. И сюжет здесь тоже не главное. Думаю закончить ее на днях.

С гостем беседовала
Ольга ЗЛОТНИК.
Сфотографировал
И. Коран.

